

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр. 6-8

ЛЕОНИД
НЕВЕДОМСКИЙ,
КИНО, ОДЕССА...

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№21 (154)
МАЙ 2023

Бульварные новости

АНДЖЕЛИНА
ДЖОЛИ:
ЧЕЛОВЕК МИРА

стР.9

стР.10-11

ЛЕОНИД УТЁСОВ И АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ТАКАЯ ШТУКА - ЖИЗНЬ

Геннадий Норд

Мы много выступали в одних концертах, работали в жюри, на различных мероприятиях. И на всех фотографиях мы всегда или со стаканами, или с рюмками, или с фужерами. Нет, мы собирались не для того, чтобы алкоголь пьянистовать. Мы разговаривали, обсуждали какие-то проблемы. Но фотографы ловили именно такой ракурс.

Писатель, режиссер, актер, певец, почетный член Союза писателей Северной Америки Аркадий Арканов.

В одной из своих биографий он написал: «Дата моей смерти пока неизвестна».

Теперь известна...

- Кем были твои родители?

- Я родился в Киеве в 1933 году. В 1941 году мы уехали в эвакуацию в Красноярск. Мама была домохозяйкой, отец работал в системе снабжения.

- А когда ты впервые ощущил себя евреем?

- Когда мальчик, с которым я учился во втором классе, приспал мне записку: «Штейнбок - жит». Я не очень вникал в значение этого, а просто обозвал своих однодельцев в ответной записке «китами». Позже, когда моя обеспокоенная мать пришла в школу, увидев записку, она объяснила учительнице, что «жит» - это «воробей». После этого были еще какие-то случаи. Но жестокая сторона бытового антисемитизма обошла меня стороной.

- У тебя осталось в памяти «Дело врачей»?

- Разумеется, в это время я учился в медицинском институте. Все это дело я знаю от начала до конца - оно прошло на моих глазах. Я видел, как людей увольняют с кафедр. Я присутствовал на обходе профессора Владимира Виноградова, только что выпущенного с Лубянки. Он отправился

на обход непосредственно оттуда.

- Медицина - хороший источник для юмора?

- Профессиональный юмор есть в любой профессии. Просто дело в том, что человек - это понятие общее и знакомо

каждому - и авиатору, и плотнику, и демократу, и коммунисту. Поэтому считается, что медицина - это большой кладезь юмора. Но у авиаторов тоже много своего юмора, а у шахтеров - своего. Просто это более специфично, нежели медицина.

- Как ты относишься к утверждению Хазанова, что эстрадно-юмористический жанр умер?

- На самом деле это умер жанр Гены Хазанова. Жанр не может умереть - он может лишь претерпеть изменения. Я, например, сейчас не вписываюсь в понятия этого жанра - в его массовом виде. Но я и не хочу вписываться. Не хочу говорить нецензурных слов, и мне неловко вписываться в этот жанр.

- Почему в юмористическом жанре так много евреев?

- Может быть, потому, что исторически в остальных аспектах жизни у евреев существует много запретов, а в этом аспекте все это прорвалось. Может быть, евреи более ироничны к себе, чем представители других национальностей. И если шутят над ними, они не обижаются. Но в целом, конечно, это необъяснимое явление.

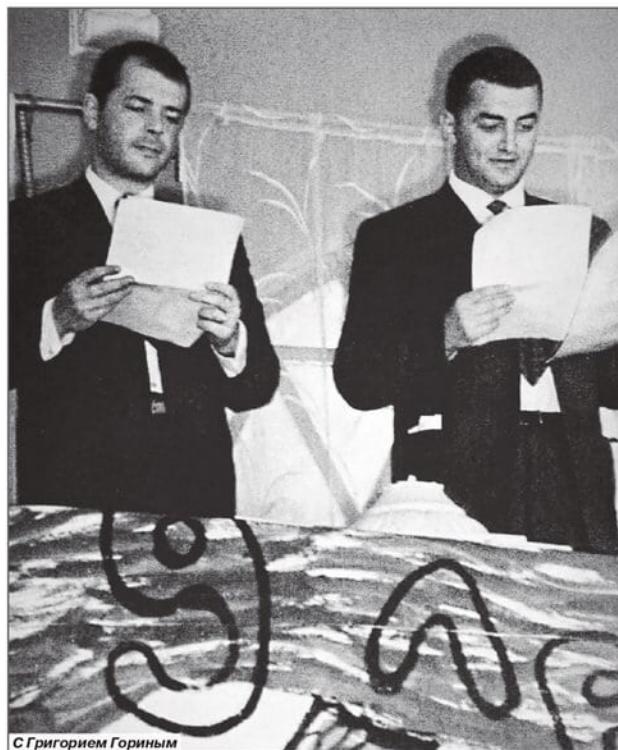
- Как ты относишься к популярности?

- Меня узнают, но это не моя заслуга, это я называю собачьей популярностью. Стоит человеку несколько раз показаться по телевизору, как он становится медийным персонажем. Его все узнают. Даже порой, не зная, кто это и зачем.

Со мной такое узнавание ограничивается просьбой дать автограф. И я с удовольствием этим делаю. У меня есть такое выражение: приятно, когда узнают. Особенно, если с хорошими намерениями. Потому что узнавать могут и с плохими.

- А на каких самых неожиданных местах и предметах тебе приходилось давать автограф?

- Иногда паспорта дают свой всполыхи, свободную страницу. Иногда листочек

С Григорием Гориным

бумаги, в магазине просто чек какой-нибудь. У кого-то записная книжка. Я, например, где-то кому-то летом, находясь на юге, на плече написал фломастером. Но был случай, когда Лена Якубович, в Одессе мы шли с ним по Дерибасовской, и подошла молодая девушка. И стала просить автограф. А на чем? И тут она приподнимает юбочку и на правой ягодичке оголенной... Говорит: «Ну, здесь». И Лена Якубович, недолго думая, пишет: «Поле чудес». Это на моей памяти был такой автограф, но не я егоставил.

- Ты олицетворяешь себя классиком?

- Кто классик, а кто не классик - это дело следующих поколений. С моей точки зрения, если говорить о классиках, то можно было ограничиться всеми двумя-тремя фамилиями.

- Какими, например?

- Зощенко. Его я считаю великим писателем. И, разумеется, Булгаков, хотя называть его просто сатириком у меня язык повернулся. Однако у него сатирические и иронические произведения; тот же роман «Мастер и Маргарита» написан не без иронии.

- У сатири и юмора есть враг - время. Следующие поколения уже не понимают, что же смешного в том или ином произведении.

- Это удел профессионального сатирика. Я не люблю это сочетание - профессиональный сатирик, но если человек таким является, то всё, что он создаёт, спустя время предается забвению, потому что меняются времена, условия, окружающий мир, власти, общество. Если же писатель пишет, основываясь не на внешних приметах и конкретном времени, а размышляя о человеке, о людях, то тогда его произведения становятся классикой.

- Как «Мертвые души»?

- Да. Всё, что создал Гоголь, не утратило значения ни на йоту, потому что он затрагивал основы основ, проблемы человека и его взаимоотношения с обществом. Возьмите же Свифта...

- Вряд ли большинство читателей поймут, на что он намекал.

- Но они могут догадаться, о чём идёт речь, на подсознательном уровне. Вот этим и отличается классик от не классика...

- Ты утверждаешь, что сатира - это такая же литература?

- Да, но в советское время развелось много писателей-сатириков. Девяносто процентов из них просто «сатирики», но никакие не писатели.

- Многие разделяли сатирика. По их мнению, она очень агрессивна.

- Так и я ее разделял. В её сегодняшнем понимании. Есть люди, которые желают непременным образом острить очень зло и острить по конкретному по-

С Владимиром Высоцким

воду или на конкретную тему, чтобы вызвать моментальную реакцию читателей или зрителей. Я всегда считал, что в жизни очень много блестящего остроумных людей, но им почему-то не приходит в голову именовать себя писателями. Остроумие и писательство - разные вещи. Если писатель остроумный, то он может называться писателем-сатириком. Остроумный человек, даже если он выступает на эстраде и имеет успех от своих острот, вряд ли может называться писателем. На одном остроумии не проживешь.

- У сатириков есть «взрослый потолок»?

- Если считать себя профессиональным остряком, то надо понимать, что с годами это чувство притупляется. Вообще, делать остроумие профессией нельзя. Если человек начинает на остроумии зарабатывать деньги, то с годами оно начинает иссякать точно так же, как иссякает искусство часовщика, пото-

му что у него могут начаться проблемы со зрением. С годами пропадает мастерство и у хирурга, любая профессия подвержена возрастным изменениям. Но - именно профессия. Для меня писательство не профессия. Я не считаю себя профессиональным остряком и сатириком.

- А кто же ты?

- Я человек с данным мне природой - хорошим или плохим, глубоким или поверхностным, не знаю - чувством юмора, и я его расходую по мере необходимости - к месту, вовремя и тактично.

- Наверное, процентов девяносто сюжетов для рассказов ты брал из жизни?

- Представьте себе, нет.

- Когда читаешь свои рассказы и слышишь в зале хохот и гогот...

- Я уже давно не слышу хохота и гогота, тех, которые были раньше. Я уже не могу вызывать хохота, его вызывают другие. Они, правда, пользуются другими мето-

дами. Они профессионалы и профессионально выжимают смех из зала.

- Ты хочешь сказать, что на твоих выступлениях совсем не смеются?

- Я не выжимаю смех. Я счастлив, если смеются на том месте, где смешно.

- А не появляется голевская мысль «Над чем смеетесь? Над собой...»?

- Бывает. Но мне не жалко тех людей, которые смеются над тем, что я им читаю. Мои читатели и зрители сознают, что смеются над собой. Вот те, кто в последнее время воспитывался на другом юморе, - не будем говорить, плохой он или хороший, но он более упрощенный, сиюминутный, анекдотный, застольный - не понимают, над чем смеяться в моих рассказах.

- Если говорить о новом юморе, условно назовём его «аншлаговским», то чей деградации тут больше - артистов, зрителей или совместная?

- Думаю, что это взаимно. В медицине это тоже есть: когда причина становится следствием, а следствие причиной. Возникает порочный круг, который трудно разорвать, и он ведёт к тулику. Вот пример порочного круга. Человек пьёт. Спрашивают: почему он пьёт? Потому что он ничего не делает. А почему он ничего не делает? Потому что он пьёт.

Если говорить, кто является определяющим в деградации, если это считать деградацией, то таковыми являются и те, и другие. Почему это произошло? Я не являюсь поклонником и проповедником советского прошлого, у меня к нему однозначное отношение - отрицательное в принципе. Но нужно признать, что когда существовала цензура на государственном уровне, а не такая, как сейчас на каждом канале, личностная, то за свои слова и поступки можно было пострадать как физически, так и морально. Если человек что-то хотел написать, то он должен был обмануть цензуру. Он искал форму для того, что читатели поняли, что он хотел сказать.

- А что страшнее: идеологическая цензура или цензура денег?

- Цензура денег. Её невозможно обойти. Если и можно, то только ещё большим количеством денег. Идеологическую цензуру обойти можно. И обходили. Искали формы, цензоры не догадывались о подтексте, и это доставляло огромное удовольствие и тому, кто писал, и тому, кто читал.

- Если смотреть архивные переда-

С Вахтангом Кикабидзе

Окончание. Начало на с.15**С Евгением Евтушенко**

чи, то до сих пор смешно слушать Аркадия Райкина или раннего Хазанова. Неужели настолько смешными ими делала цензура? Влияла ли она на уровень юмора?

- Влияла. Как это ни странно, на давление на талантливого человека вызывает в нём не депрессию, а желание побороть это давление и всё-таки сказать то, что хочется сказать. Талантливым это удаётся. Бездари и менее одаренные смиряются и начинают работать в заданных рамках, в отведенных для них коридориках, и имеют свой определённый успех. Но когда прессе цезуры снимается, то начинаются удивительные истории. Всем хочется оставаться на плаву и иметь тот успех, который был. Тому, кто привык облекать свои произведения в литературные формы, становится труднее конкурировать, когда открыты все информационные клапаны, когда информационный поток становится всё больше и больше. Можно оставаться на том же уровне и не обращать внимания на происходящее вокруг, а можно упростить форму. Поэтому те, кто хотел сохраниться на плаву, опустили уровень своего юмора, как говорится, ниже пояса. Конечно, остались люди, которые продолжают делать то, что они делали раньше, но они потеряли часть своих читателей, потому что более простая и никепоясная литература всегда была более востребована.

- Это похоже на то, что есть попса и есть симфоническая музыка.

- Абсолютно точно. Можно ещё сказать так: есть попса и есть хорошая эстрадная музыка. Я сравнил бы ещё и так: есть хорошие рестораны и есть домашняя еда, но есть «Макдоналдс». Я ничего не имею против него, но пытаться в нём каждый день, значит облечь себя на ужасное состояние, потому что можно разрушить весь организм.

Ещё могу сказать, что юмор должен быть дозирован так же, как могут быть дозированы витамины. Если витаминов нет, человек умирает от авитаминоза. Если их много, он умирает от гипервитаминоза. Поэтому попса должна быть, но как добавка определенного сорта.

- Почему-то попсу принято ругать, считается, что ничего хорошего в ней нет. А тебе что-то нравится в ней?

- Да, когда есть некоторый стёб. Когда я чувствую, что у человека есть самородина, что он делает что-то с прищуром, то мне это нравится. Если же артист все-

рёз думает, что то, что он делает, здорово, то это уже плохо, потому что масса воспринимает это впрямую и не понимает, что в этом должна быть ирония.

В попсе есть и высокий уровень, как среди исполнителей, так и авторов.

- Пушкин говорил: «Гений и злодейство - две вещи несовместные». Гений и успех в рыночное время бывают?

- Бывают. Бывают удивительные совпадения. Вообще-то, это можно назвать счастьем. Очень редко, но это случается в литературе, но, как и в любом жанре, крайне редко. Гений, как правило, испытывают то же, что испытывает настоящий сатирик, - неудобство от того, что существует в этом мире. Он не должен нравиться властям. Он не должен хорошо жить, потому что ему не на что жить, но он не должен ходить и с протянутой рукой. Парадокс, но как можно представить сатирика, который ругает общество и при этом имеет виллу на Канарах и огромный счёт в банке. Это нереально, но у нас очень много таких, именующих

себя сатириками, и при этом дай Бог многим жить так богато, как они. Значит, они не сатирики. Они обслуживают общество с точки зрения шутовства, что само по себе, конечно, неплохо. Но тогда не надо претендовать на некую философию и мировоззрение и называть себя сатириками.

- А ты тоже живёшь бедно?

- Хотелось бы жить лучше. Я не могу сказать, что живу хорошо только потому, что у меня есть обыкновенная по нынешним меркам квартира. У меня нет счёта в банке, у меня средняя машина, на которой я не езжу, потому что на ней ездят жена.

Нет, я не жалуюсь на жизнь, но в сравнении с некоторыми моими знакомыми и друзьями я нахожусь на уровне бомжа. С их точки зрения. Мне кажется, что я живу нормально, хотя на сегодняшний день у меня огромное количество проблем материального порядка.

- Но тебя же издают!

- Я не хочу говорить о тех гонорарах, которые получаю. О чём можно говорить,

когда роман пишется 12 лет, а за него платят три тысячи долларов?

Не буду скрывать, что основные мои доходы сейчас в частных приглашений и корпоративных вечеров, еще могу привести свадьбу или день рождения.

- Не коробит от таких занятий?

- В какой-то степени, конечно, коробит, если не сказать больше. Но у меня есть правило: если меня приглашают, то приглашают такого, какой я есть. Если мне скажут: «Вот тут вы «Мурку» спойте, а там цыганочку с выходом станцуете», я на такое не соглашусь. Да и не было у меня таких случаев.

- Человека в детстве формирует среда. Что оказалось влияние на твои потребности шутить и писать?

- Наверное, потому что мне нравилось дурака валять.

- Как?

- Придиуриваться, передразнивать, делать рожи, устраивая в школе приколы. В третьем классе - ёщё шла война, а люди всё равно оставались людьми - мы пошли на под менье приятный учительницей: принесли в коробках пичёл и в самый патетический момент их выпустили. Те летают, кружат, а кругом визг, учительница ничего не понимает.

Конечно хорошо относились и до чечени, и отпетое хулиганье. Конечно, были и противные отличники, свысока смотревшие на других. Мы с удовольствием делали им какую-нибудь бяку. Например, могли положить в портфель кое-что из туалета, а потом смотреть, как он на уроке лежит в него за книгами. Это было невероятно смешно. Ничего страшного в этом не было, но нам было приятно, что он оказывался в полной дерьме, это его ставило на место.

В медицинском институте, куда я поступила, оказались очень талантливые люди. Мы организовали грандиозный медицинский капустник, из него потом вырос блестящий театрально-эстрадный коллектив, который пользовался большим успехом. С нашей программой мы получили серебряную медаль на фестивале молодежи и студентов в Москве в 1957 году.

- Открой тайну: почему врачи такие ироничные?

- Потому что они имеют прямое касательство к жизни и смерти. У них очень здоровое отношение к этим понятиям. На глазах врача больной может уйти из жизни, и тот же врач может вернуть больного к жизни, вырвать его из рук смерти. Понятия «жизнь» и «смерть» для врача очень обыденны. Они лишены для него некоего ореола, пафоса.

- С кем тебе больше везло встречаться - с теми, у кого есть чувство юмора, или наоборот?

- С людьми, у которых вообще не было

С Михаилом Державиным и Александром Ширвиндтом

никаких контактов. Мне неинтересно с ними.

- Даже если это какой-то важный чиновник?

- У меня не получалось ладить с такими людьми. Ладить с человеком только потому, что он важный чиновник, выше моих сил. Я вообще не общаясь с людьми по принципу полезности, pragmatичность - это не мое. Наверное, поэтому у меня нет никаких поступательных движений вперед ни по социальной, ни по экономической лестницам.

- У тебя была творческая ревность к коллегам?

- Нет, никогда. Если что-то было хорошо написано, то я говорил, что это хорошо. Я никогда не завидую. Мне бывает неприятно, когда человек имеет успех незаслуженно, чему же тут завидовать?

- Ты очень азартный человек: любил скачки, ходил в казино. Откуда столько азарта?

- Чёрт его знает... Я считаю, что человек должен быть азартен во всём. У нас слово «азарт» чаще употребляют в связи с разными играми. А если я пишу рассказ? Для чего я его пишу? Для того, чтобы те, кто будут его читать, рассмеялись. Если я выхожу на сцену и что-то читаю, то ходу реакции зала.

Азарт определяет желание победить. И это не обязательно связано с деньгами. Конечно, когда ты приходишь в казино, то желание выиграть там вполне законно. Не пришел же ты смотреть, как выигрывают зайчики и лягушки. Но выигрыш нужен для того, чтобы играть еще, а не для покупки автомобиля.

- Сам во что больше играл?

- Во всё. В зависимости от настроения. Иногда на автоматах, на них очень забавно играть. Они ускоряют процесс победы или поражения, не надо ждать и мучиться, пока карты помешают, раздадут, пока дойдет до тебя очередь. Для меня важен момент, который находится в точке между тем, когда я делаю ставку, и моментом результата. Вот этот промежуток страшно интересен. Такой поток адреналина!

- Он как-то помогает в жизни?

- Если он оканчивается выигрышем, то да. Если проиграл, приходится брать себя в руки, прятать свои эмоции. Я не наивен, когда люди за столом, проиграв, начинают кричать, материться, впадать в истерику. Некоторые начинают бить автоматы кулаками, разбивают их, потом это платят деньги. У таких людей не-нормальная психика.

- Твоя первой женой была Майя Кристалинская. Когда вы женились, она уже была известной певицей?

- Нет, тогда она была начинающей и очень талантливой певицей. Я и тогда, и потом всегда имел склонность к женщинам, у которых блестящий музыкальный слух.

Я познакомился с ней в 1957 году во время подготовки к фестивалю молодежи и студентов. Она тогда пела с самодеятельным оркестром в ЦДРИ и работала после окончания МАИ в конструкторском кружке у Яковлева обыкновенным сотрудником. Я увидел её во время репетиции и сразу загорелся, но не только потому, что она была симпатичной. Объяснить это невозможно, но я настолько увлёкся, что предложил ей выйти за меня замуж буквально на следующий день. Она согласилась. Вообще-то до того, как мы расписались, виделись всего раза четыре или пять в течение одного месяца. Но так получилось, что только этих побудительных мотивов для того, чтобы отношения переросли в счастливое сосуществование, было недостаточно. Мы расстались. У нас сохранились хорошие отношения до последнего дня.

- Многие твои коллеги по цеху спустя время признались, что в прежние времена держали фигу в кармане, поэтому и было в их текстах и выступлениях несколько смыслов. А есть ли гарантия, что они сейчас не держат той же фиги?

- Мне кажется, если ты хочешь искренне высказать свою точку зрения, но не можешь этого сделать или боишься, или думаешь, что не поймут, то лучше помалкивай. Но не надо нести фигу в кармане - этим ты никого, кроме себя, не обманешь. Или - пригнуться к самому худшему, когда за то, что ты сказал, что

С Геннадием Нордом

С Михаилом Жванецким

думаешь, тебя уберут со всех каналов: «Чего это он там несёт?»

- Почему проработав три года терапевтом, ты ушел в литературу?

- Понял, что больше не могу совмещать медицину и творчество.

- И тебе не смущило, что медицина - это гарантированный заработка, а сочинительство не гарантирует ничего?

- Я ушёл из медицины вовсе не из-за денежного вопроса. Ушёл потому, что я не мог жить без литературного процесса. Совмещать его со своей работой было невозможно. Если врач приходит на работу и всё время думает о том, чтобы поскорее закончился приём больных

и тогда он будет заниматься творчеством, то это нечестно по отношению к больным. Ссылки на Чехова тут невозможны, потому что он знаменит не как врач, а как великий писатель.

В то время была обязалка: после окончания вуза человек был обязан три года отработать по специальности. Когда я всё-таки ушёл из терапевтической, то в «Медицинской газете» вышел огромный позорящий меня фельетон, где было написано, что я предал медицину и сбежал. Но вот какая интересная вещь - когда человек увольняется с завода и занимается творчеством, то в этом ничего плохого нет.

- Как ты отмечашь дни рождения, юбилеи?

Могила Арканова на Введенском кладбище в Москве

- Никак. Я вспоминаю в связи с этим историю, которая произошла в свое время с нашим выдающимся шахматистом, чемпионом мира Михаилом Моисеевичем Ботвинником. Когда ему исполнилось 70 лет, его в этот юбилейный день ждали дома друзья, подарки, а он утром ушел из дома, сел на байдарку на Москву-реке. И весь день прокатился на байдарке. А явился поздно ночью домой. А там все сидят и говорят: «Михаил Моисеич, да что ж такое? Как же это можно? Мы вас тут ждем, а вы нас так вот!». А он сказал: «Дорогие друзья! Я не вижу никакой собственной заслуги в том, что 70 раз подряд вместе с землей прокрутился вокруг солнца».

Я придерживаясь этой точки зрения.

- Вернемся к медицине и литературе. Почему ты пошел в медицинский?

- Я пошел в медицинский институт не просто так. Осознанно. Я влюблен был и до сих пор люблю нашу теорию высшей нервной деятельности Ивана Петровича Павлова. Я хотел этим заниматься. Для этого нужно было закончить медицинский институт. Я пошел в медицинский институт, и так уж там сложились обстоятельства, что-то такое в области литературы стало во мне просыпаться. И уже в середине обучения я понимал, что я врачом уже не буду. Поэтому я законил медицинский институт, о чём ни капельки не жалею, потому что он очень много дал мне как впоследствии литератору и человеку. Я отработал три положенных года, так же, как и мой друг, с которым мы вместе много сотрудничали Григорий Горин. Он тоже законил медицинский институт, Первый московский, что и я. И тоже он оставил медицину, потому что у него другое призвание - драматургическое и литературное. Блистательное.

В первом своем сборнике мы написали: да, Арканов и Горин оставили медицину, и ушли в литературу. Неизвестно, что с ним приходит литература приобретет, но то, что медицина ничего не потеряла, это уж точно.

- А за долгие период учебы в медицинском и сравнительно короткую медицинскую практику поcher успел испортить? У врача ведь ужасный неразборчивый поcher.

- У меня есть один недостаток. У меня всегда были поcherы очень разборчивые. И я никогда не торопился. Я даже до сих пор пользуюсь, если сочиняю настояще, то только авторучкой. Я не пользуюсь ни машинкой, ни компьютером. Это я потом переношу все в компьютер, где редактирую. Но изначально рукопись пишется именно вот так: рукой. Это у меня с малолетства.

- А есть у тебя любимая шутка?

- Есть, я сам её придумал. Жизнь - такая шутка, что хочешь - не хочешь, а умрешь.